

Неизвестные стихи Сергея Есенина

Сегодня – 120 лет со дня рождения великого русского поэта

Мне осталась одна забава: Палец в нос – да вертеть, чуть свет. Прокатилась дурная слава, Что платка носового нет. Ах! какая смешная тряпица! Я такую видал у дам. А портянка им, вишь, не годится, Городским этим господам.

Повдоль реки, по косогору Пойду в кабаки. Хоть без портков, трясся позором, – Сойдётся так. Велик приказчик, чтоб я убрался, Ведь в прошлый раз Я здесь молился, потом подрался... И что сейчас? Вернусь тверёзым, несчастным, босым Под милый кров. По травмам кошенным, да по росам И без портков.

Я покинул родимый дом, Променил на столичный гламур. В три звезды березняк над прудом На каких-то блондинистых дур. Я не скоро, не скоро вернусь! В обезьянник меня замели. Не стерёг я рязанскую Русь, А менты здесь меня стерegli...

Ты жива ещё, моя «копейка»? Жив и я. Привет тебе, привет! Вот тебе «Castrol». Давай, попей-ка. Я пока проверю дальний свет. Слышал я, в езде по нашей хляби, Проржавели у тебя бока. Что тебя на трассе Омск – Челябинск Обогнала ржавая «Ока», Что тебя зимой на легниих шинах Каждый день примерно раз по сто (Или даже двести – всё едино), Ударяли о бетонный столб. Ничего, родная, успокойся. Расставанье мне не по нутру. Не такой уж горький я пройдоца, Чтоб тебя сменять на «Субару».

Где-то под ольхою Ждёт меня борсетка, Где меня рукою Обняла соседка. Или под берёзой. Или под скамейкой. Побежали слёзы... Плачь, моя жалейка! Вот погас окурок, Я сижу, рыдаю. Что ж я за придурок! Вечно всё теряю! Свистнут, я боюсь, Там ключи, мандаты, И стихи про Русь Сгинут, неиздаты...

«Нивы» скаты, «ВАЗы» биты И «Калина» покосилась. Запорожское корыто

Под «КАМАЗом» притулилось. Многодырая дорога Пьяной девкой распласталась, И совсем уже немного У «Оки» колёс осталось. Бьют подвесками «ГАЗели», Искры сыплют из стартёров, И две «Таврии» влетели В двух весенних люков норы...

Я иду, качаясь... Я – последний бык в своей деревне. Мост повис последнею доской. У колодца чахнет тополь древний. Гой ты, край мой, навсегда родной. Не жалею, не зову, vzdыхая. Пройден мост, кончается доска. Робко, словно странница глухая, Тронет сердце холодом тоска. Упаду среди равнины голой, Утром шерсть посеребрят роса. Не видать мне телочки комолой,

Небо синюю позальёт глаза. Пусть хозяйка прибежит, рыдая. Поспешая вослед за мной бежать. Тихо промывчу: «Не надо, Рая». Дам ей хвост на счастье подержать.

За домами, за косогором Протнулась тропа гаражей, Там телега моя, да с мотором, Не сулящим больших барышей. Не за скорость её под равниной Дорога мне «копейка», друзья, Полюбил я тоской журавлиной Эту ржавую грудку хламья. Сдам её, поменяю на «Ладушку», Прокачусь до кленовых ворот, Может, бабушку или прабабушку Я с «Калиной» возьму в оборот...

Идёт коза рогатая За малыми ребятами Среди хмельной весны. Идёт коза, аукает, Рогами в двери стучаает, Стозвоном костяным. Идёт коза, мемекает, И меж рогов кумекает, Кого бы забодать. Кто кашу плохо кушает, Кто матушки не слушает, Того сюда подать!

Не жалею, не зову, не плачу, Не звоно, не режу, не пишу, А тихонько водочку фигачу И конфетным фантиком шуручу...

Выткнулся на озере радужный мазут, Утихает трактор мой под водой внизу. Плачет где-то милая, схоронясь в дуло, Только мне не плачется – на душе светло. Зацелован допына, мятый, словно цвет, Мне, хмельному с радосты, пересуду нет. И пуская над трактором плачут глухари, Вытащим мы тракторы, вытащим все три!

Обложка первого номера «КБ». Невероятная для обычного издания нумерация: 10 (1) означает, что номер вышел в 10-м месяце года, но при этом является первым по счёту

Губернатор поздравил журнал «Красная бурда» по телефону

Член авторского коллектива «КБ» Александр Ельняков на своей странице в «Фейсбуке» описал это так:

«Вечером позвонил губернатор Свердловской области Куйвашев Евгений Владимирович. Поздравил «Красную бурду» с 25-летием. Вот так просто взял и позвонил...»

Не, конечно, не так вот просто. Нас предупредили, что может позвонить, но как-то не верилось.

Когда раздался звонок и голос в трубке сказал: «Моя фамилия Куйвашев...» – все притихли. И только доктор наук Илья Вайнштейн во всеуслышание заявил: «Если это моя жена, скажи, что меня нет!». Но как-то быстро осёкся.

Губернатор поздравил нас по громкой связи под звенящую и непривычную для наших праздников тишину.

Спасибо, Евгений Владимирович, от всех парней. Мы были ошарашены, и нам было приятно.

Добро должно быть с хомячками

Уж казалось бы, чего мы только не узнали о мэре нашего родного Скипидарска за долгие 15 лет его правления. Ан нет – оказывается, кое-что от внимания СМИ ускользнуло, а именно – каких домашних животных держит отец города?

Чтобы восполнить этот пробел, спецкор «Скипидарского рабочего» Вероника Тихонько отправилась прямо в загородный дом мэра Е. Е. Разбойникова...

Мэр встречает меня, сидя в кресле-качалке. На коленях у него клубком свернулся тот, ради которого я и пришла, – красавец кот Матвей.

Мэр гладит kota одной рукой, второй рукой он гладит огромного дога, спящего подле кресла, третьей рукой указывает мне на удобное кресло. На плече у мэра восседает огромный попугай, а на всю эту идиллию невозмутимо взирает большущий геккон, а может, саламандра, вцепившаяся в галстук.

– Ого! Я думала, у вас только кот, а их von сколько у вас! – восхищается я.

В ответ мэр улыбается, рубашка на его груди вспучивается, и оттуда вылезает здоровенная белая крыса. Емельян Емельянович явно наслаждается произведенным эффектом!

– Круто, да? Не ожидали? – Круто... Да уж, это... что-то...

– Да не боись! Вот она, моя любимица. Крыска, крысочка моя...

– Как же вы управляетесь со всем этим зоопарком? – Да чёрт его знает... У нас же домработница есть, няню тоже наняли, вроде, для этого вот... для камелеона. А я только с крыской возжусь. Но с ней хлопот немного – кинул в портфель, да и на работу с собой. Там в обед я её в буфет выпускаю...

– А кот её не обижает? – Пусть только попробует! – хозяин шутиливо треплет Матвея за ухо. – На самом деле у нас три кота. Этот здесь, другой где-то бегает, мышей ищет. Неделю назад я пару белых мышей купил, а куда по-

ложил – не помню. А третий кот von – на цепи сидит. Говорят, помесь камышового кота с бульдогом. Я сам его не кормлю, страшновато всё-таки, он сам как-то питается. Минералку только ему покупаю. Для кишечника, говорят, полезно.

Как бы в подтверждение свирепая зверюга, привязанная цепью к батарее, громко отпрыгивает. Попугай тут же повторяет звук.

– Этому попугаю цены нет, – улыбается Емельян Емельянович. – Он раньше в зоопарке жил, наслушался там всякого, научился. Теперь то орёт павианом, то ревет как бегемот или пьяный сторож. Шумновато, конечно, зато грабители стороны обходят. Как, впрочем, и гости. Даже не знаю, что лучше, ха-ха-ха!

В огромном, во всю стену, аквариуме плавают удивительной красоты полосатые труссы. – Это не труссы! – с лёгкой обидой поправляет меня хозяйин. – Это морские подабасранские трясомидии. Им для жизни нужна не солёная, а кислая вода, такая есть только вблизи Свингильских островов. Я их раз в год туда вожу на отдых, поплавать.

– Ух ты! А чем они питаются, такие редкие? – Да уж не санкционкой! – смеётся Е. Е. – Жрут всё, что дасть. Хотите – диктофон ваш слопают, хотите – руку, галстук мой или документ любой! Рыба-шрёдер, очень удобно!

Оказывается, в загородном доме мэра, кроме кошки,

собаки, попугая, крысы и ящерицы, живут ещё хомячки (во-семь трёхлитровых банок), таиландский богомол (приехал из отпуска в парике супруги, да так там и остался!) и полный шкаф моли.

Я восхищённо плююсь на это буйство фауны и задаю самый естественный вопрос:

– А может, у вас ещё и утконос есть?

– Был. Вот он. Австриком звали, – мэр показывает рукой на великолепно чучело. – Мы его из Австралии привезли, там его кто-то выкинул, а мы сжалились, подобрали, но ему не климат у нас, у него натурально лапы склеились от мороза. Яйца отложил и умер... Пришлось вот... увековечить. Скусаем по нему.

– Здорово! А коровы тоже есть? – продолжаю я интeрвью.

– Коровы? Коровы, коровы, коровы... Знаете, я точно не знаю, надо у пастуха спросить, он всё время пасёт кого-то, чёрт его знает – может, коров, а может, верблюдов, ха-ха-ха!

Неожиданно кто-то цепко хватается за ногу. Нагнувшись, вижу высунувшуюся из-под дивана маленькую непричесанную руку.

– Не бойтесь, это Мартын Иваныч, наш макак, – успокаивает меня хозяйин. – Видать, нога ваша ему чем-то понравилась. Теперь не отцепится.

Е. Е. Разбойников приглашает меня пройти по дому, который напоминает мне небольшой зоопарк. Мартын Ива-

нович всю дорогу так и висит у меня на ноге.

– Вы говорили, что у вас есть лошади. Где же они?

– Да где-то по дому бегают. О, слышите? Над нами, на втором этаже носятся! Я их даже остановить не могу, жену прошу. Она с ними ладит. Такие здоровые, тяжеловозы. О, опять она с ними мебель двигает. Сейчас я вас познакомлю...

Мэр прикладывает ладони рупором ко рту и громко кричит:

– Карина! А ежи где? Ты им молока дала?

Карина Ивановна Разбойникова сбегает по лестнице сломя голову.

– Ну что ты! Конечно! Позавчера давала, кажется. Послезавтра опять дам. А то один так разкричал, что под кровать не влезает!

– Так это же дикобраз был! Карина Ивановна всплескивает руками и, бормоча: «Это же дикобраз был!», со слезами на глазах удаляется. Емельян Емельянович провожает её любящим взглядом.

– Мне тут недавно гиену предлагали. Но жена сказала: «Или я или эта мерзость!» Что поделает, пришлось бросить жребий. Пойдёмте, Вероника, у меня для вас ещё много интересного.

И мы продолжаем экскурсию. Удивительный всё-таки дом у нашего мэра. Куда ни взгляни – везде клетки, отовсюду выглядывают живность. Как говорится, всюду жизнь. Совсем как на знаменитой картине Верещагина.

Но в отличие от зоопарка каждая клетка снабжена аккуратной табличкой: «Убедительная просьба! Животное – КОРМИТЬ! Штраф 1 000 рублей!» И лишь на клетке с конопляным палочником табличка другая – «Животное НЕ КУРИТЬ!»

Я иду за мэром по заполненному зверьём дому и вдруг понимаю, кого он мне напоминает – Белоснежку! К нему постоянно выбегают какие-то зверушки, птицы подлетают и садятся на руки, на плечи, на голову.

Семейство ёжиков с тополотом выбегают из-под дивана и кладёт к ногам мэра два

яблочных огрызка и носок. От этой идиллии у меня даже начинает щипать в носу, глаза увлажняются...

– Что, тоже аллергия? – прерывает моё умиление Е. Е., и я вижу, что он держит прямо передо мной распухший хвост снуса.

Мы с мэром выходим на свежий воздух. Выясняется, что далеко не все животные живут в доме. Некоторые уже отравились на покой и теперь находятся в доме престарелых животных, расположенном в тихой западной части усадьбы, недалеко от питомника грифов.

– Есть у меня ещё три кабанчика, медведей пара. Я их держу для охоты.

– Вы с медведями на охоту ходите?! На кого?!

– На медведицу! Шучу, – шутит Е. Е. – Я с друзьями на них охочусь, пуляем в них с вышки.

– Ой! И не жалко?!

– Патронов-то? Нет, этого добра полно! – снова хохмит Разбойников. – Да нет. У меня и мишки, и свинари в бронезилетах бегают. Ну, и в касках, конечно. «Гринпис» не подкопается!

По двору усадьбы труссы бегают Strauss. По словам мэра, они остались от прежних хозяев участка. На вопрос, а кто же были прежние хозяева, Емельян Емельянович отвечает со смехом, что сами Strauss и были.

Полюбовавшись голенастыми пернатыми, идём в серпентарий, где Е. Е. Разбойников с гордостью показывал мне своего любимого удава. С Виталием (так зовут эту огромную пятиметровую змею) в своё время очень не любил фотографироваться местные предприниматели. А приходилось. В коллекции мэра хранится целая папка фотографий бизнесменов, обитых Виталием, подписывающих документы на передачу прав на бизнес, землю или личный автотранспорт.

– А вон там, за домом, у меня живёт слонёнок Моська, – хозяин машет рукой в сторону небольшого душистого во-

– Ой, а можно посмотреть? Никогда не видела домашних слонов!

– Не сейчас. Моська как раз обедает. Ему из ресторана вегетарианской кухни «Ботва» грузовик еду привозит. Пока Моська ест, его лучше не трогать – затопчет. Не со зла, конечно. Через час у него массаж ботва, вот тогда и сможете с ним пообщаться.

Я начинаю понимать, что увлечение мэра живностью не является бездумной причудью, а имеет вполне себе практическое применение. Про удава я уже сказала. Другие животные тоже приносят пользу. Так, кошки прекрасно сторожат дом, коровы – дают много густой и мягкой шерсти, лошади – великолепно поют, а собаки дают много полезного и сытного собачьего молока!

У кроликов – интересная, но слегка однообразная шоу-программа.

– Никакого телевизора не надо! – заразительно хохочет мэр.

Как говорится, в зверинце у мэра хорошо, а в редакции лучше. Надо спешить, чтобы кровь из носа дасть сенсационный материал в завтрашний номер. Безуспешно пытаюсь отцепить от ноги Мартын Иваныча – тщетно. Прикипел мертвецом, как татуировка.

– А забирайте его с собой, на память! – делает щедрый жест Емельян Емельянович.

Мы с Мартыном отключаемся. Выхода, обращаем внимание на то, что у ворот усадьбы терпеливо стоит вереница самосвалов с крупными надписями «PediGree», «Whiskas», «Свежее сено», «Морыш», малинка, опарыш», «Поставки антилопятины по всему миру. Телефон...». Водители ждут, когда из ворот выедет другая кавалькада грузовиков – «Навоз», «Элитный помёт», «Павлинь перо оптом»...

По пути в редакцию я прокручиваю в голове впечатления от сегодняшней встречи, и один вопрос не даёт мне покоя: чем кормить и как оторвать от ноги Мартына Иваныча?

Вероника ТИХОНЬКО

10 признаков надвигающегося развода

1. Все семейные фотографии висят лицом к стене.
2. Каждую вещь в доме вы теперь оцениваете с позиции: а сможете ли вы без неё обойтись?
3. Мусор муж и жена выносят каждый свой.
4. Жена начала приводить в порядок документы. И себя.
5. Выясняется, что подарков от её родителей больше, чем предметов в квартире. Не говоря уже про саму квартиру.
6. Среди подруг жены стало очень много юристов.
7. Так дальше продолжаться не может! И это прекрасно!
8. Жена уже при друзьях и детях называет вас не иначе, как «ответчик» или «противная сторона».
9. К вам ещё приползут на коленях.
10. Вы расфрендились в соцсетях.